

Окказиональное словосложение в русском языке: продуктивность и аналогия

Liudmila Fedorova

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet, Moskva, Russia

Chiara Naccarato

National Research University – Higher School of Economics, Moskva, Russia

Abstract The paper deals with the productivity of several compounding models in Russian. Specifically, we will focus on compounds with agentive and instrumental meanings, aiming to determine the synchronic productivity of different models. We will describe the results of an experiment conducted among Russian native speakers, which consisted in the formation of nonce compounds in Russian translating Italian compounds. The results of the experiment show that the most productive model is the suffixless construction, and that the choice of a certain model depends on the semantics of the compound. The results also show that a seemingly crucial factor affecting productivity is constituted by analogy with existing complex words or compounds.

Keywords Nonce compounds. Russian. Word formation. Productivity. Analogy.

Содержание 1 Введение, общая проблематика и структура статьи. – 2 Сложные слова с агентивными и инструментальными значениями в русском языке. – 2.1 Суффиксально-сложные конструкции. – 2.2 Бессуффиксальные конструкции. – 2.3 Императивные конструкции. – 3 Предшествующие исследования. – 3.1 Композиты с агентивными и инструментальными значениями в предшествующих исследованиях: бессуффиксальная и суффиксально-сложные конструкции. – 3.2 Императивная конструкция в предшествующих исследованиях. – 3.3 Вопрос о продуктивности. – 4 Цель и структура эксперимента. – 4.1 Цель эксперимента. – 4.2 Структура эксперимента. – 5 Окказиональное словосложение: анализ и обсуждение результатов. – 5.1 Результаты эксперимента с носителями русского языка. – 5.2 Сравнение с результатами предшествующих исследований. – 5.3 Продуктивность и аналогия. – 6 Выводы.

Edizioni
Ca' Foscari

Studi e ricerche 20

e-ISSN 2610-993X | ISSN 2610-9123

ISBN [ebook] 978-88-6969-368-7 | ISBN [print] 978-88-6969-369-4

Peer review | Open access

Submitted 2019-04-16 | Accepted 2019-09-30 | Published 2019-12-18

© 2019 | © Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

DOI 10.30687/978-88-6969-368-7/010

1 Введение, общая проблематика и структура статьи

В статье исследуется относительная продуктивность агентивных и инструментальных моделей словосложения в русском языке, для которых могут использоваться одни и те же конструкции (ср., напр.: *работодатель* 'лицо, которое дает работу', *громкоговоритель* 'прибор, который говорит громко'). Задача исследования – выявить наиболее продуктивные типы конструкций для каждого из этих значений.

Статья имеет следующую структуру: в разделе 2 представлены исследуемые конструкции; в разделе 3 обсуждаются предшествующие исследования, на которые опирается данная работа; в разделе 4 описываются цель и структура эксперимента, составляющего эмпирическую основу исследования; в разделе 5 приводятся его результаты; раздел 6 содержит выводы.

2 Сложные слова с агентивными и инструментальными значениями в русском языке

В работе исследуются три типа конструкций. Два из них, суффиксально-сложные конструкции (2.1) и бессуффиксальные конструкции (2.2), имеют в качестве главного компонента глагольную основу, обычно на втором месте; слова третьего типа образуются на базе глагольной формы, совпадающей с формой императива и стоящей на первом месте; условно назовем их 'императивными' (2.3).

2.1 Суффиксально-сложные конструкции

Самыми частотными суффиксами, участвующими в образовании как простых, так и сложных слов с агентивными и инструментальными значениями, являются -ец, -лец, -тель, -ник, -щик/-чик, -льщик, -к(а) и -лк(а) (см. Шведова 1980, 246-8). Сложные слова этого типа, часто описываемые как 'синтетические композиты'¹ (см., напр., Booij 2005, 90), имеют структуру (1):

1. [X-o/e-V-Suff]_N,

---

¹ Под термином 'синтетические композиты' понимаются те композиты, которые образуются в результате одновременных процессов словосложения и суффиксации.

где X неглагольная, V глагольная основы, o/e – соединительная гласная. Пример (2) представляет агенса, (3) – инструмент:

2. басн-о-пис-ец
3. мяс-о-руб-ка

Стоит оговорить, что слова такого состава могут быть образованы и чистым сложением опорного слова, имеющего суффикс, и уточняющего слова или основы на первом месте (ср. *сварщик – газосварщик*). При формальном анализе различить эти два способа достаточно трудно, мы не будем ставить такую задачу.

2.2 Бессуффиксальные конструкции

Сложные существительные могут образовываться и без добавления материального суффикса. Для простоты будем называть эти конструкции ‘бессуффиксальными’. Они представлены формулой (4):

4. [X-o/e-V]_N

и примерами (5) и (6), обозначающими агенса и инструмент соответственно:

5. язык-о-вед
6. пар-о-ход

В традиционной литературе о русском словообразовании (см. Molinsky 1973; Townsend 1980, 23-5; Шведова 1980, 250-2; Земская 2005, 49; 2011, 284) предполагается наличие нулевого суффикса, который присоединяется к сложной основе, по аналогии с суффиксами -ец, -тель и др. в рамках суффиксально-сложной модели словообразования.

Возможна иная точка зрения, согласно которой сложная основа переходит в другой класс словоизменения в результате конверсии (близкой позиции придерживался В.Н. Немченко, говоря о ‘сложно-флексийном’ способе словообразования, 1984, 116-17).

К этой модели мы отнесли также (редкие) примеры с глагольной основой на первом месте [V-o/e-N]_N:

7. лиз-о-блюд

Иногда для таких композитов возможны и параллельные

образования с обратным (т.е. стандартным) порядком компонентов, напр. *блюдолиз*.

Для обоих типов конструкций 2.1 и 2.2 характерно наличие соединительной гласной *-o/e-*, являющейся отличительным признаком канонических сложных слов.

2.3 Императивные конструкции

Для конструкций третьего типа $[V-N]_N$ и $[V-N-Suff]_N$ характерно то, что на первом месте находится глагол в форме, совпадающей с формой императива, а на втором месте – существительное в форме номинатива или основа существительного (*болиголов*); при этом роль соединительной гласной может выполнять последняя гласная глагольной формы. Примерами этого типа являются (8) и (9):

8. сорви-голова
9. верти-шей-к-а

В литературном языке композиты подобной структуры встречаются редко, что может свидетельствовать о малой продуктивности моделей; считается, что они шире представлены в диалектах (см. Шведова 1980, 243).

3 Предшествующие исследования

Данная работа опирается на результаты исследования суффиксальных композитов в диссертации (Naccarato 2017) и на работы, посвященные императивным сложным словам (Федорова 2007, 2008, 2012, 2014).

3.1 Композиты с агентивными и инструментальными значениями в предшествующих исследованиях: бессуффиксальная и суффиксально-сложные конструкции

В диссертации (Naccarato 2017) были проанализированы конструкции, образующие сложные слова с агентивными и инструментальными значениями в русском языке. Исследование проводилось квантитативными методами на

основе словообразовательной базы данных НКРЯ,² которая содержит сложные слова, извлеченные из словарей современного русского языка. Были рассмотрены конструкции с суффиксами -ец, -лец, -тель, -ник, -щик/-чик, -льщик, -к(а) и -лк(а), а также бессуффиксальная конструкция; общий объем материала составил 831 сложное слово. Эти слова были проанализированы на основе формально-семантических и стилистических параметров; был также проведен анализ продуктивности разных конструкций. Главные выводы исследования сводятся к следующему.

- a. Анализируемые конструкции характеризуются различными семантическими свойствами: если бессуффиксальная конструкция и конструкции с суффиксами -ец, -лец и -льщик используются преимущественно для образования существительных, обозначающих лицо, то конструкции с -к(а) и -лк(а) используются чаще для наименования инструмента (конструкция с -лк(а) образует исключительно наименования инструментов); конструкции с -тель, -ник и -щик/-чик чаще образуют наименования лиц.
- b. Некоторые конструкции оказались стилистически менее нейтральными по сравнению с другими. Среди высокочастотных типов конструкция с суффиксом -тель имеет более 'технические' оттенки по сравнению с конструкцией с -ец и бессуффиксальной конструкцией; это согласуется с тем, что -тель чаще используется для наименования инструмента. Низкочастотные конструкции с суффиксами -лец, -ник, -щик/-чик, -льщик и -лк(а) тоже встречаются чаще в технических жанрах, а конструкция с суффиксом -к(а), имеющая более нейтральный оттенок, сближается в этом отношении с бессуффиксальной конструкцией и конструкцией с суффиксом -ец.
- c. Что касается распределения по времени,³ конструкции с суффиксами -ец, -лец встречаются чаще в более ранних текстах (с начала XVIII до середины XX в.), в то время как бессуффиксальная конструкция и конструкция с -тель встречаются чаще в более поздних текстах (бессуффиксальная конструкция со второй половины XIX в., а конструкция с суффиксом -тель особенно с начала XXI

---

² Национальный корпус русского языка, см. <http://ruscorpora.ru/>.

³ Основной подкорпус НКРЯ содержит письменные тексты с середины XVIII в. до 2016 г.

- в.). Низкочастотные конструкции в целом более частотны в поздних текстах.
- d. Частотность конструкций не дает еще оснований судить о их продуктивности. Однако подсчеты количества первых вхождений композитов в НКРЯ позволили определить диахроническую продуктивность (см. Haspelmath, Sims 2010, 130) высокочастотных конструкций: так, выяснилось, что в отличие от конструкции с суффиксом -ец, продуктивность которой уменьшается со временем, бессуффиксальная конструкция и конструкция с -тель обнаруживают рост продуктивности. Низкочастотные конструкции включают слишком мало вхождений, чтобы можно было определить их диахроническую продуктивность.

3.2 Императивная конструкция в предшествующих исследованиях

Императивная конструкция исследовалась в работах Федоровой (2007, 2008, 2012, 2014) в типологическом и сопоставительном аспектах. Приведем некоторые основные выводы.

- a. Данная конструкция используется в русском языке для оценочных наименований лиц (*сорвиголовы, вертихвостка*), также в прозвищах и фамилиях (*Держиморда, Поддопригора*), для названий животных и растений (*вертишейка, косиног*) и в некоторых других случаях. Эти именованья имеют яркую образную основу, особенно в прозвищах, которые сохраняют шутливо-ироническую, уничижительную или хвалебно-бранную оценочность, передающую карнавальную (по М. Бахтину) стихию народной речи.
- b. По своей грамматической природе данная конструкция представляется промежуточной между каноническими сложными словами, в которых две основы соединяются через интерфикс (типа *сенокос*), и сращениями, в которых склеиваются слова в синтаксических конструкциях (*сумасшедший*). Можно назвать ее моделью неполного синтеза при движении от аналитического словосочетания к сложному слову.
- c. Подобная конструкция широко распространена в романских языках, встречается в английском, более редкие примеры отмечены и в славянских языках. Императивный характер основы как славянских, так и романских конструкций нередко подвергается сомнению на том основании, что здесь у глагола отсутствует прямое

побудительное значение (см., напр., Scalise 1994; другая точка зрения у Н.Д. Арутюновой 1956, 2007). Однако стоит отметить, что семантика императива может включать и периферические модальные значения – допущения, условия – или выражать пожелание, провокативность (ср. прозвище *Дядя, достань воробушка!*), типичное действие. Можно предположить, что сложные слова ‘императивной’ модели развились на базе императивных словосочетаний подобного характера (ср. *хоть глаз выколи* ‘очень темно’ и *вырви глаз*, также *вырви глаз* – ‘о чем-то слишком ярком или терпком, кислом’). А. И. Соболевский отмечал функциональное сходство данной модели с конструкцией с первой глагольной основой и соединительной гласной (*вертопрах, лежебок*) (см. Виноградов 1994, 77).

- d. Новые образования подобной модели встречаются в интернете: *Читай-город, ВырвиЗуб, СтройДом*. Однако это мало проясняет вопрос о степени продуктивности модели.

3.3 Вопрос о продуктивности

В проведенных исследованиях вопрос о синхронной продуктивности конструкций не нашел окончательного ответа. В первую очередь это связано с тем, что описанные исследования опираются на словарные данные, которые содержат мало неологизмов и могут представить информацию только о диахронической продуктивности определенной конструкции, но не отражают текущую картину. Современные количественные методы для измерения продуктивности часто основываются на количестве гапаксов⁴ в корпусе (см. Ваауен 1992, 1993, 2001; Ваауен, Lieber 1991). Но если в корпусе мы ищем слова, которые уже представлены в словарях,⁵ вероятность найти гапаксы очень низка и оценить продуктивность конструкций на основе этих методов невозможно. Для того чтобы определить синхронную продуктивность конструкций, необходимо опираться на данные другого типа.

Понимая словообразование как «креативность в границах продуктивности» (см. Stekauer et al. 2005), мы попытаемся определить границы продуктивности разных конструкций на основе когнитивных

⁴ В корпусе достаточно большого размера гапаксы часто являются неологизмами.

⁵ Словообразовательная база данных НКРЯ, использованная в (Naccarato 2017), содержит только словарные данные. Найти все композиты (в том числе и гапаксы), представленные в НКРЯ, невозможно, потому что до настоящего времени не проводилась систематическая разметка композитов.

способностей носителей языка. Для этого мы используем данные эксперимента, в котором окказиональные сложные слова были получены в результате индивидуального творчества.

4 Цель и структура эксперимента

4.1 Цель эксперимента

Целью данного эксперимента является сопоставление степени продуктивности анализируемых конструкций на основе окказионализмов, т.е. продуктов индивидуального словотворчества носителей русского языка. На наш взгляд, выбор той или иной конструкции при образовании окказиональных композитов может отражать степень продуктивности моделей в современном русском языке.

В качестве респондентов выступили 65 носителей русского языка: 60 студентов-лингвистов, обучающихся в московских вузах РГГУ и НИУ ВШЭ, а также 5 слушателей курсов итальянского языка.

4.2 Структура эксперимента

Респондентам были даны итальянские сложные слова 'императивной' модели $[V-N]_N$ ⁶ с предложением перевести их сложными словами как можно точнее, т.е. построить окказиональные сложные слова из русского материала, близкие по смыслу к итальянским и такие, чтобы они были понятны другим.

Модель $[V-N]_N$ была выбрана в качестве одной из немногих продуктивных конструкций для образования сложных слов в итальянском языке. Эта конструкция образует сложные слова с агентивными и инструментальными значениями, как, напр., (10) и (11):

10. *taglia-erba* ('газонокосилка')
косить_{imp}-трава
11. *porta-lettere* ('письмоносец')
носить_{imp}-письма

Для целей нашего исследования мы выбрали десять итальянских

---

⁶ И здесь название модели условно, в итальянской лингвистике нет однозначной трактовки грамматической формы глагольной основы.

композитов этой модели, которые не переводятся на русский сложными словами. Для одних есть близкие соответствия в виде простых слов, смысл других более точно описывается словосочетанием, а некоторым вообще трудно подобрать адекватный перевод (поэтому даются варианты). Пять итальянских композитов имеют агентивные значения и пять – инструментальные. Для каждого композита мы указали глагол и существительное, на базе которых он образован, их переводы на русский и значение самого композита, как показано в таблице 1 (для уточнения некоторых переводов мы использовали словарь Зорько и др. 2002).

Таблица 1 Список итальянских композитов, использованных в эксперименте

Композит	Компоненты (ит.)	Компоненты (рус.)	Значение
lustrascarpe	lustrare scarpe	чистить ботинки/башмаки/туфли	чистильщик обуви
rompicollo	rompere collo	сломать шея	смельчак/трюкач
guardaboschi	guardare boschi	смотреть/охранять леса	лесник
mangiafuoco	mangiare fuoco	есть/пожирать огонь/пламя	бахвал
piantagrane	piantare grane	сажать/растить неприятности/беда (букв. крупа/зерна)	придира/зануда
portachiavi	portare chiavi	носить ключи	брелок для ключей
asciugacapelli	asciugare capelli	сушить/вытирать волосы	фен
asciugamani	asciugare mani	сушить/вытирать руки	полотенце
tritattutto	tritare tutto	измельчать/крошить все	кухонный комбайн
scolapasta	scolare pasta	сливать паста/макароны	дуршлаг

Варианты перевода компонентов позволяют респондентам, не знающим итальянский язык, понять внутреннюю форму итальянского композита и образовать аналогичный по смыслу композит на русском языке. Знание итальянского языка у пяти респондентов (слушателей курсов) не повлияло на выполнение задачи: их ответы существенно не отличались от ответов других респондентов.

5 Окказиональное словосложение: анализ и обсуждение результатов

5.1 Результаты эксперимента с носителями русского языка

В результате опроса 65 респондентов мы получили 695 ответов – изобретенных сложных слов, т.е. в среднем 10,7 слов для каждого респондента – больше, чем было предложено в анкете (часто респонденты предлагали несколько вариантов перевода, а иногда не могли придумать ни одного). В таблице 2 для каждого итальянского композита показаны наиболее частые переводы.

Таблица 2 Часто предлагаемые переводы для каждого композита

Композит (ит.)	Предлагаемые переводы на русский
lustrascarpe	туфлечист (20),* башмачист, чистибот,...
rompicollo	шеелом (29), ломошей, сломишей,...
guardaboschi	лесо(о)хранитель (13), лесосмотритель, лесо(о)хранник,...
mangiafuoco	огнеед (13), пламеед, огнежор,...
piantagrane	бедосад (5), растобед, бедораститель,...
portachiavi	ключеноска (33), ключенос, ключеноситель,...
asciugacapelli	волососушка (14), волососушитель, сушиволос,...
asciugamani	рукосушка (16), рукосушитель, рукотер,...
tritattutto	все(из)мельчитель (14), всекрошитель, крошивсе,...
scolapasta	пастослив (22), макароносливатель, пастосливатель,...

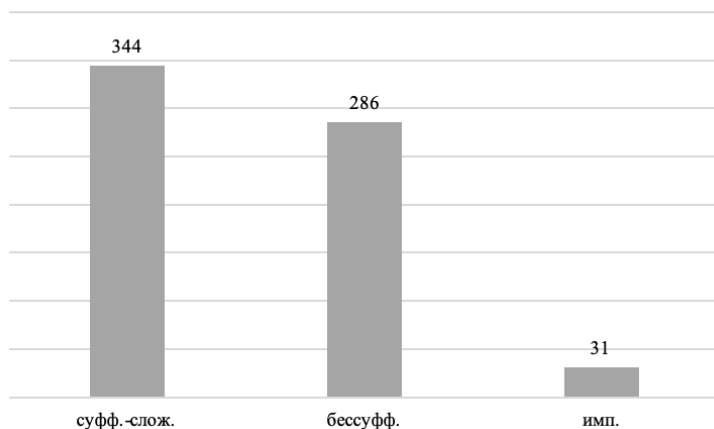
*В скобках указано количество вхождений для самого частотного перевода

Всего было предложено 272 разных слова, т.е. в среднем для каждого слова – 27,2 вариантов перевода. Такое разнообразие объясняется выбором разных синонимов для основ (напр., для *guardaboschi* – лес, роща, дерево; смотреть, хранить, охранять, заботиться), а также различных суффиксов.

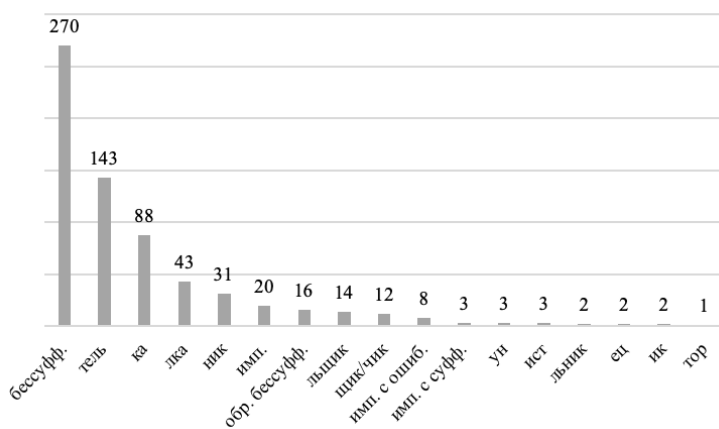
Для дальнейшего анализа мы не использовали некоторые переводы, представлявшие а) имеющиеся в языке сложные слова, напр., *сорвиголова*, *овощерезка*; б) простые слова, напр. *измельчитель* и *безбашенный*; в) сложные слова, относящиеся к другим (неглагольным) конструкциям, напр. *ключебрелок* и *рукотряпка* [N-N]_N; д) сомнительные случаи, в которых вместо глагольной основы используется скорее основа прилагательного или существительного, напр. *сухорук* и *бедорост*.⁷

⁷ В графиках используются следующие сокращения: бессуфф. = бессуффиксальная конструкция; имп. = императивная конструкция; обр. бессуфф.

График 1 Абсолютная частотность трех типов конструкций

График 2 Абсолютная частотность каждой конструкции

5.1.1 Частотность конструкций

В результате отбора у нас осталось 661 сложное слово. Далее мы сравнивали частотность использованных в переводах конструкций. На графике 1 показана абсолютная частотность

= бессуффиксальная конструкция с обратным порядком компонентов; имп. с ошиб. = императивная конструкция с ошибками; имп. с суфф. = императивная конструкция с суффиксом.

трех главных групп конструкций – суффиксально-сложных, бессуффиксальных и императивных. Видно, что респонденты предпочли суффиксально-сложные конструкции (52% случаев) и бессуффиксальные конструкции (43,3%). Императивные конструкции были выбраны в 4,7% случаев.

Затем мы проверили частотность для каждой конкретной конструкции, что показано на графике 2. Самой частотной оказалась бессуффиксальная конструкция $[X-o/e-V]_N$: ее выбрали в 40,8% случаев. Достаточно частотны также конструкции с суффиксами -тель (21,6%) и -к(а) (13,3%).

Интересно заметить, что конструкция с суффиксом -ец, довольно широко представленная в словарях, по данным эксперимента не проявляет активной продуктивности: респонденты выбрали этот суффикс только два раза. Для конструкций с низкочастотными суффиксами -ун, -ист, -льник, -ик и -тор, не представленных в базе данных НКРЯ, сравнение по продуктивности с нашими предшествующими исследованиями невозможно.

Особый интерес представляют композиты с глаголом на первом месте. Наряду с 20 удачными попытками построить императивную конструкцию, как, напр., (12), обнаружилось 8 нестандартных образований (с ошибкой в соединительной гласной) (13) и три перевода императивной конструкцией, осложненной суффиксом (в двух случаях с ошибочной соединительной гласной) (14):

12. сломай-шея
13. слома-шей
14. суше-волос-ка

Наконец, было предложено 16 образований, которые формально можно отнести к бессуффиксальной конструкции с обратным порядком компонентов (см. раздел 2.2) или к неудачной попытке построить слово по императивной модели: вместо императивной формы – глагольная основа со стандартным интерфиксом, присоединяющим существительное (15) или его основу (16):

15. слом-о-шея
16. лом-о-шей

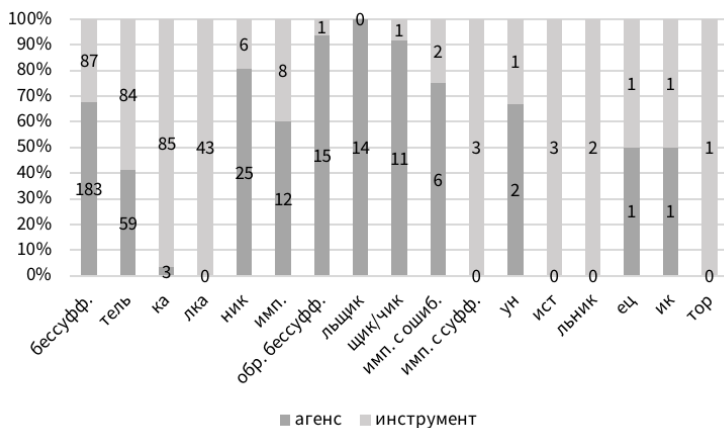
Если рассматривать все образования с глаголом на первом месте (20 ‘правильных’ императивных конструкций, 11 нестандартных и 16 неудачных), получаем достаточно большое количество изобретенных ‘императивных’ композитов – 43 (6,5%). Этот

результат мог бы свидетельствовать о том, что мнение о непродуктивности этой конструкции в русском языке нуждается в корректировке. С другой стороны, более очевидным образом результат говорит о роли аналогии при образовании сложных слов: респонденты больше опираются на формальную аналогию по соединительной гласной, а не по императивной форме – т.е. понимание глагольной основы как изначально императивной формы затруднено.

5.1.2 Семантическое распределение конструкций

Для каждой конструкции мы также проверили процент существительных с агентивными и инструментальными значениями; результат показан на графике 3.

График 3 Соотношение образований с агентивными и инструментальными значениями для каждой конструкции

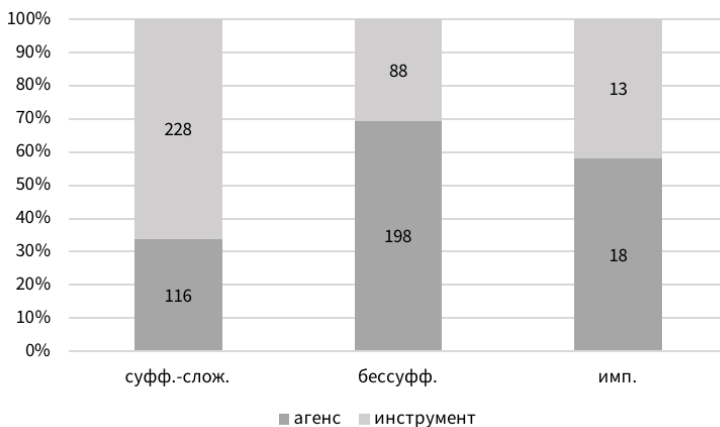

Результаты анализа показывают, что с агентивными значениями чаще ассоциируются бессуффиксальная конструкция (в том числе и с обратным порядком компонентов), императивная конструкция (в том числе и ошибочная императивная), а также конструкции с суффиксами -ник, -лыщик и -щик/-чик. Конструкции с -тель, -к(а) и -лк(а), напротив, чаще ассоциируются с инструментальными значениями. Остальные конструкции включают очень малое

число примеров, поэтому трудно сделать какие-либо выводы.

На графике 4 результаты сгруппированы по типу конструкции. Как видно из графика, суффиксально-сложные конструкции являются наиболее продуктивными для образования композитов с инструментальными значениями; в других типах преобладают композиты с агентивными значениями.

График 4 Соотношение образований с агентивными и инструментальными значениями для трех типов конструкций

5.1.3 Особенности перевода

Полученные окказионализмы оказались в разной степени удачными. Некоторые переводы содержали ошибку в соединительной гласной (*пастаслив, чистебот, сломашей, крошвсе, ключинос* и др. – всего 40 случаев). Не всегда их можно квалифицировать только как орфографические ошибки.

Здесь можно усмотреть две противоположные тенденции.

С одной стороны – тенденцию к синтезу, спаянности элементов, благозвучию: это замены -ай- на -а- (*сломашей*), -и- на -е- или на -ø- (для *крошвсе* возможно и влияние сложносокращенной модели); слова из основ воспринимаются как более спаянные, чем слова, включающие словоформы. В случае замены на -е- (*чистебот*) можно еще предположить гиперкоррекцию по каноническому типу.

С другой стороны, замены -о- на -а-, -е/о- на -и- (*ключинос*) свидетельствуют, скорее, о стремлении к аналитизму: здесь используются словоформы вместо первой основы и интерфикса. Самый частотный случай – это замена -о- на -а- (15 примеров)

пастаслив против 14 на *пасто-*), что может указывать и на влияние новых способов словосложения при недостаточной освоенности вторичного заимствования *паста* (ср., напр., сложение с компонентами *аква-*, *медиа-*, *мега-* и др.). Для аналитического типа характерно неиспользование стандартного интерфикса.

К первой группе примыкают 6 примеров с гаплогией типа (17), 18 примеров с усечением основ, как в (18), куда мы включаем и три окказионализма с корнем *-бот-* (*чистобот*, *чистебот*, *ботачист*); хотя он и встречается в свободной форме (*боты*), здесь, скорее, усечение основы *ботинк-и* (оба слова восходят к родственным французским словам *bottes*, *bottines*). Сюда же можно отнести 5 окказиональных композитов, состоящих из трех основ, как в (19):

17. вол-о-суши-лка
18. башма-чист
19. сам-о-ше-е-лом

5.2 Сравнение с результатами предшествующих исследований

Результаты эксперимента хорошо дополняют выводы наших предшествующих исследований и, выявляя тенденции в образовании композитов, позволяют сделать некоторые выводы о синхронной продуктивности моделей. Так, высокая частотность бессуффиксальной конструкции и конструкции с суффиксом *-тель* подтверждает выводы, предложенные в (Naccarato 2017), об относительно высоком уровне их синхронной продуктивности. Достаточно высокая продуктивность конструкций с суффиксами *-к(а)* и *-лк(а)* ограничена образованием наименований инструментов. Конструкции с суффиксами *-ник*, *-щик/-чик* и *-льщик* показали довольно низкий уровень продуктивности и чаще всего были выбраны для композитов с агентивным значением. Все это тоже подтверждает результаты, показанные в (Naccarato 2017). Низкая частотность суффикса *-ец* свидетельствует о том, что эта конструкция не проявляет активной продуктивности в современном языке несмотря на то, что она широко представлена в словарях. Это соответствует выводам (Naccarato 2017) о том, что продуктивность этой конструкции уменьшается со временем.

Что касается императивной конструкции, результаты эксперимента показали, что попытки (хотя и не всегда удачные) использовать ее в окказиональном словосложении все же присутствуют, особенно для номинаций лица. Значительная

доля ошибок в соединительной гласной в основном подтверждает разговорный характер модели и стремление к выравниванию фонетической структуры по стандартному образцу.

5.3 Продуктивность и аналогия

Результаты эксперимента говорят о том, что продуктивность анализируемых конструкций в некоторой степени подвергается ограничениям, связанным с наличием в языке слов с общими основами.

Это в первую очередь касается аналогии с уже имеющимися в языке сложными словами, т.е. новые слова образуются по образцу знакомых слов. Так, для многих окказионализмов существуют слова с общей второй основой (иногда даже по созвучию, а не по смыслу), как показано в таблице 3.

Таблица 3 Аналогия с имеющимися в языке сложными словами

Окказионализм	Имеющиеся в языке сложные слова
туфлечист	трубочист
огнеед	людоед, мясоед, мироед, буквоед, ...
огнеглот	живоглот
ключенос	водонос, медонос, (утконос) ¹
бедовод	садовод, овцевод, ...
шеелом	костолом, дуболом
рукотер	полотер

¹ Здесь аналогия лишь внешняя, поскольку корень *-нос* имеет другое (неглагольное) значение.

В некоторых случаях наблюдается и содержательная аналогия, как при образовании слова *сломайшея* (и подобных) на основе имеющегося в языке сложного слова *сорвиголова*.

Что касается суффиксально-сложных конструкций, здесь на выбор могло влиять наличие в языке простых отглагольных существительных с теми же суффиксами; см. таблицу 4.

Таблица 4 Аналогия с имеющимися в языке простыми словами

Окказионализм	Имеющиеся в языке простые отглагольные существительные
лесо(о)хранник	охранник
лесохранитель	хранитель
лесосмотритель	смотритель

воло(со)сушилка	сушилка
обувечистильщик	чистильщик
туфлеочиститель	очиститель
всеизмельчитель	измельчитель
ключедержатель	держатель
ключепереносчик	переносчик
бедоносите́ль	носите́ль

Скорее всего, образование этих композитов представляет чистое сложение существующего суффиксального слова и уточняющей основы на первом месте, однако мы не можем с уверенностью этого утверждать, так как в ряде случаев опорное слово тяготеет к другой семантической категории: *держатель* – скорее человек (ср. *держатель акций*), *очиститель* чаще предмет, средство.

6 Выводы

В результате проведенного эксперимента мы получили интересные данные, которые хорошо дополняют предшествующие исследования и позволяют сделать выводы о синхронной продуктивности разных конструкций в современном русском языке.

Во-первых, мы обнаружили, что самой продуктивной конструкцией для образования окказиональных сложных слов является бессуффиксальная конструкция. Среди суффиксально-сложных самыми частотными оказались конструкции с суффиксами *-тель* и *-к(а)*. Попытки построить императивные композиты говорят о том, что и эта конструкция проявляет определенную (хоть и невысокую) степень продуктивности.

Во-вторых, было показано, что анализируемые конструкции ассоциируются с разными значениями: бессуффиксальные и императивные оказались более продуктивными для образования сложных слов с агентивными значениями, в то время как суффиксально-сложные конструкции – для наименований инструментов.

В переводах, предложенных респондентами, обнаружилось достаточно большое число нестандартных образований – прежде всего, с ошибками в соединительной гласной. Преобладание случаев с заменой соединительной гласной *-о-* на *-а-* может свидетельствовать о возможном стремлении к аналитизму в современном словосложении. На это, возможно, влияет аналогия с моделями словосложения в заимствованных композитах.

Наконец, можно предположить, что на продуктивность

конструкций влияет аналогия с имеющимися в языке сложными и простыми словами: безаффиксные окказионализмы поддерживались аналогией по второй основе, суффиксальные – аналогией по суффиксу в простых словах; в обоих случаях совпадали концы слов.

Литература

- Арутюнова, Нина Д. (1956). «Сложные имена существительные типа *el guardabosque* в современном испанском языке». *Доклады и сообщения, Институт языкознания АН СССР*, 10.
- Арутюнова, Нина Д. (2007). *Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка)*. Москва: 2007.
- Виноградов, Виктор В. (1994). *История слов*. Москва: Институт русского языка РАН.
- Земская, Елена А. [1992] (2005). *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Земская, Елена А. [1973] (2011). *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Просвещение.
- Зорько, Герман Ф. и др. [1995] (2002). *Большой итальянско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Немченко, Василий Н. (1984). *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Высшая школа.
- Федорова, Людмила Л. (2007). Маленькие комедии сложных слов. В сборнике: *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. Под ред. Нины Д. Арутюновой. Москва: ИЯ РАН, 699-711.
- Федорова, Людмила Л. (2008). Скрытый диалогизм сложных слов. В сборнике: *Скрытые смыслы в языке и коммуникации*. Под ред. Игоря А. Шаронова. Москва: РГГУ, 101-10.
- Федорова, Людмила Л. (2012). О смеховой природе модели сложных слов-прозвищ в славянских и романских языках. В сборнике: *Восточнославянские языки и литература в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования*. Под ред. Марины В. Пименовой. Киев: ИЯ им. Потебни НАН Украины, 380-7.
- Федорова, Людмила Л. (2014). Когнитивные механизмы словосложения. В сборнике: *Когнитивные исследования языка сборник научных трудов*. Министерство образования и науки РФ, Российская академия наук, Институт языкознания Российской академии наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Москва/Тамбов, 75-87.
- Шведова, Наталья Ю. (гл. ред.) (1980). *Русская грамматика. Том I*. Москва: Наука.
- Baayen, Harald R. (1992). «Quantitative Aspects of Morphological Productivity». Booij, Geert; van Marle, Jaap (eds), *Yearbook of morphology 1991*. Amsterdam: Springer, 109-49.
- Baayen, Harald R. (1993). «On frequency, transparency and productivity». Booij, Geert; van Marle, Jaap (eds), *Yearbook of morphology 1992*. Dordrecht: Kluwer, 181-208.

- Baayen, Harald R. (2001). *Word Frequency Distributions*. Dordrecht: Kluwer.
- Baayen, Harald R. & Rochelle Lieber. (1991). «Productivity and English derivation: A corpus-based study». *Linguistics*, 29(5), 801-843.
- Booij, Geert. (2005). *The Grammar of Words. An Introduction to Linguistic Morphology*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Haspelmath, Martin; Sims, Andrea D. (2010). *Understanding Morphology*. London: Hodder Education.
- Molinsky, Steven J. (1973). *Patterns of Ellipsis in Russian Compound Noun Formations*. The Hague/Paris: Mouton.
- Naccarato, Chiara. (2017). *Compound Agent Nouns in Russian: A Comparison of Rival Word-formation Constructions* [PhD dissertation]. University of Pavia; University of Bergamo.
- Scalise, Sergio. (1994). *Morfologia*. Bologna: il Mulino.
- Štekauer, Pavol et al. (2005). «Word-formation as Creativity within Productivity Constraints. Sociolinguistic Evidence». *Onomasiology Online*, 6, 1-55.
- Townsend, Charles E. (1980). *Russian Word-formation*. Columbus: Slavica Publishers.

